

УДК 008:311

Алена ШВЕЦ,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурологии
и искусствоведения

Одесского национального политехнического университета

ИЗУЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ»

В статье рассматриваются вопросы изучения локально-региональной культуры в контексте культурологической дисциплины «Интеграционные процессы в культуре». Проблематика раскрывается на материалах культуры русских старообрядцев Одесского поликультурного региона юга Украины. Выделяются механизмы сохранения и динамики культурной системы в диахронии и синхронии, определяются интегративные свойства культурной системы.

Ключевые слова: поликультурный регион, локально-региональная культура, культурная система, устойчивость и подвижность системы, интегративные свойства культурной системы.

У статті розглядаються питання вивчення локально-регіональної культури в контексті культурологічної дисципліни "Інтеграційні процеси в культурі". Проблематика розкривається на матеріалах культури російських старообрядців Одеського полікультурного регіону півдня України. Виділяються механізми збереження і динаміки культурної системи в діахронії і синхронії, визначаються інтеграційні властивості культурної системи.

Ключові слова: полікультурний регіон, локально-регіональна культура, культурна система, стійкість і рухливість системи, інтеграційні властивості культурної системи.

In the article the questions of study of locally-regional culture are examined in the context of culturological discipline the "Integration processes in a culture". The range of problems opens up on materials of culture of the Russian old believers of the Odesa multicultural region of south of Ukraine. The mechanisms of maintenance and dynamics of the cultural system are distinguished, integrative properties of the cultural system are determined.

Keywords: polycultural region, local and regional culture, cultural system, stability and mobility of system, integrative properties of cultural system.

Целью преподавания курса «Интеграционные процессы в культуре» является введение в учебный процесс базовой системы теоретических понятий об интеграционной функции культурной системы и структурирующих ее элементов, о культурной интеграции в статике и динамике, о

диалоге культур, о возможных формах и векторах межкультурных взаимоотношений различных субъектов культуры и их «голографических» результатах, об интеграционной динамике культурного аспекта модернизации.

Специфика объекта изучения в данном курсе, принадлежащем вступительной общетеоретической части цикла курсов истории и теории культуры, излагаемого на гуманитарном факультете, обуславливает необходимость наглядного обращения к анализу конкретной функционирующей культурной системы. Актуальным оказывается рассмотрение в качестве предмета исследования локально-регионального варианта культурной жизни как социокультурного феномена, в частности, внимание обращается к локально-региональным культурным системам русских старообрядцев Одесщины. Такие системы выступают как один из субъектов регионального культурогенеза регионального субкультурного локуса юга Украины и презентивно обнаруживают такие свойства как устойчивость, динамичность, интегративность, ведущую к целостности. Их осмысление и научная интерпретация в рамках излагаемого курса могут стать основой для познания бытия сложно организованной системы национальной культуры и гиперконструкта общечеловеческой культуры.

Предполагается, что начальный корпус знаний студенты получают из подготовленной выборки историко-этнографических материалов, в которых актуализируются те интегративные внешние - культурно-исторические - факторы, способствовавшие формированию рассматриваемого типа культуры как регионального. Одновременно на наглядных материалах закрепляются представления о морфологическом строении культуры с точки зрения субъектов культурных процессов, разграничиваются понятия региональной и локально-региональной культур. Студенты узнают о том, что Одесский регион (в прошлом южные окраины Российской империи) возникал как зона особых социальных условий, имеющая не только экономическое, но и большое политическое и военно-стратегическое значение. Акцентируется внимание на том, что генезис Одесского региона определялся и иными факторами. Прежде всего, единством природной основы - безлесым, степным ландшафтом. А общее географическое положение, сходство хозяйственно-культурных типов приводи-

ли к формированию нового единого культурного пространства.

Далее обращается внимание на то, что обживаемый Одесский регион формировался на фронтире. Соответственно ему свойственны этническая и конфессиональная мозаика, где неизбежны взаимовлияние и межкультурные заимствования. Объяснение этого вопроса дает возможность подойти к следующей части корпуса знаний, где будут рассматриваться все субъекты культурогенеза Одесской региональной культуры в диахронии и синхронии.

Студенты определяют, что этнокультурная карта юга Украины чрезвычайно пестра. Она отражает сложную историю освоения и благоустройства Новороссийского края - Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерний, - принявшего в результате колонизации и переселения представителей многих народов с сохранением украинской этнической доминанты: «С тех пор, как степь от Днестра до Дона, служившая поприщем для попеременных набегов крымцев, кубанцев, турок и запорожцев, окончательно подчинена России, она заселилась наполовину малоросами, а наполовину набродомъ изъ Великой Руси...» «Местами селились здесь болгары, сербы, волохи, даже венгры и поляки, немцы, греки, армяне, и все это население сдобрено еще жидами...» [Даль: I, LXXIII]. А принявшие русское подданство татары-ногайцы были переселены в Крым и на Кавказ. На месте оставались только «туземцы»: молдаване, украинцы, болгары, армяне, евреи, которые проживали здесь и раньше. Однако численность их была незначительной.

Весьма важным является в части закрепления знаний самостоятельное изучение студентами вопроса о том, кто выступает в качестве современных субъектов продолжающегося процесса культурогенеза Одесской региональной культуры. Для этого учащиеся ориентируют на изучение интернет-ресурсов и материалов местной городской и областной прессы.

Изучение таких вопросов как устойчивость и динамика культурной системы, межкультурное взаимодействие, уровни и характер культурного взаимодействия, аккультурационные процессы и возможные

их результаты рассматриваются при обращении к выделенному ранее одному из субъектов возникшей региональной культуры – к культуре русских старообрядцев. Студенты определяют, что после сложных миграций русские староверы оказались в окружении с многоликим этническим населением, в основном – миграционным по своему происхождению. Старообрядцам, как и их соседям, удалось пережить не одну политико-административную трансформацию, эффективно приспосабливаясь к смене центров влияния и сменам понимания контуров контроля. На основе действия этих внутренних факторов, адаптируясь в приднаиных и приднестровских условиях, которые, в свою очередь, не оставались неизменными, сформировались выразительные варианты культуры в контексте как общерусской этничности, так и в масштабах субкультурного региона.

В этой части излагаемых знаний закрепляется понятие о культурной системе и ее свойствах. Углубляются представления о том, что любая локальная культура является сложной адаптивной системой специфической природы. Она имеет характерные особенности: обладает устойчивостью и одновременной подвижностью как залогом развития, адаптативностью, упорядоченностью, целенаправленностью поведения; она всегда помещена в некоторую среду, с которой обменивается информацией; она стремится к самосохранению, самовоспроизводству, самоорганизации.

Далее, обращаясь непосредственно к представленным историко-этнографическим материалам, студенты обнаруживают, что устойчивость культуры и ее жизнеспособность во многом обуславливается тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство и целостность. Это предполагает выработку единообразных правил поведения, общей памяти и общей картины мира. Набор типовых программ поведения специфичен для каждого коллектива. Все они направлены на то, чтобы сдержать рост вариативности поведения, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привел бы к распаду общества. При этом, чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они

регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов и образцов.

Аспекты адаптации, а также устойчивости и динамики культуры переселенцев обязательно рассматриваются через призму аккультурационного результата – сегрегации – культурного взаимодействия русских старообрядцев с инославными и иноверными соседями.

Студентам доносится мысль о том, что главным структурообразующим компонентом культурной системы старообрядцев Одесщины является религиозность. Древлеправославная вера детерминирует здесь не только духовную культуру, но и определяет все аспекты повседневной культуры старообрядцев, в том числе – поведенческий. Обращается внимание на то, что староверы Одесщины и сегодня актуализируют буквализм в восприятии сакрального. Повседневная культура их является, по сути, отражением религиозных верований и ритуалов, то есть отличается определенной ритуальной регламентацией, а элементы культуры семиотичны и выполняют знаковую функцию. Оказавшись в новых пространственно-временных условиях, культурные системы переселенцев включили механизм самозащиты: чтобы выжить, необходимо держаться старой веры, своего языка; все другое – чуждое и поэтому вредное. Акцентируется внимание на том, что старообрядцы всегда исходили из того, что защищаемые ими формы безусловно правильны. Их выделенность по сравнению с другими инокультурными и инославными соседями – православными украинцами, молдаванами, болгарами и русскими («никонианцами») – определялась семиотическим конфликтом, который проявлялся в различном отношении к сакральному знаку.

Студенты узнают, что древлеправославные иконы, духовные книги, лестовки, кресты, подручники одновременно являлись для старообрядцев интегрирующими символами, как старой веры, так и традиционной культуры, составляя их базовую символическую среду. Они усваивались с детства, со временем способствуя консолидации старообрядческой общности. Этот ряд символов расширялся бытовыми элементами культуры. Быт, одежда, прическа

стали внешними выражениями социальной отгороженности от народа – бытовое поведение стало не только объективно, но и субъективно знаковым. Сфера бытового поведения сделалась маркированной. А такие категории мифологического сознания, как «чистота», «чистая вера» «чистые люди», выступили ключевым механизмом, обеспечивающим целостность данной общности. Все, с чем соприкасалась локальная культура русских староверов Одесщины, соотносилось с аналогами Священного Писания.

Важный защитный механизм сохранения древлеправославия в поликультурном регионе Одесщины отразился в таком системном элементе культуры как запрет – особая мера для сохранения ритуально чистой среды и пространства. В этой части излагаемого материала вновь актуализируются, закрепляются знания о функциях культурных элементов, об их возможных способах согласования и связности в культурной системе, что приводит к разным формам культурной интеграции. Применительно к изучению локально-региональных вариантов старообрядческой культуры Одесщины рассматривается коннективная форма культурной интеграции.

Более подробно рассматриваются сегрегативные функции охранительных элементов системы. Рассматриваются запреты на вступление в брак с иноверными, строгие указания о невозможности совместной трапезы, иных контактов с иноверными. Рассматриваются факторы, определяющие ритуальную чистоту в сообщении с внешним миром, например, пища и посуда. Так, вообще не допускалась совместная трапеза с иноверцами (для иноверцев использовалась «изолированная» «поганая посуда»). Работали запреты морально-этического характера: отказ от употребления некоторых предметов, например, курение табака, ношение галстуков, употребление чая; запреты на «прелести мира» – светские развлечения.

Выстраивая культурные барьеры, старообрядцы сумели сохранить множество традиций, носителями которых были их предки. Это нашло отражение в облике жилища, в одежде, в семейно-бытовых обрядах, которые изучаются как механизмы

сохранения системы. Далее студентам предлагается подробнее узнать об их действии.

Так, среди старообрядческого населения глубоко разработаны представления о чистоте в жилом пространстве, которая напрямую связана с чистотой веры и противопоставляется «нечистоте» или «погани», ассоциирующейся с понятием о «чужом». Ряд народных представлений о пограничном пространстве выразился в появлении запретов, регламентирующих переход символической границы между «своим» и «чужим» миром. «Свой мир» требовал защиты. Для этого использовались как христианские обереги жилища (молитва, икона, крест, святая вода), так и магические (подковы, освященный мак, освященная верба и др.).

Также отличительной особенностью старообрядческого дома XIX – середины XX вв. являлось наличие русской печи. В исключительных случаях русская печь сохраняется вплоть до настоящего времени. Еще одной отличительной особенностью являлась постройка бани, рядом с жилищем. В настоящее время баня присутствует практически во всех поселениях нашего региона. Традиция каждую неделю париться в бане соблюдается старообрядцами неукоснительно. Этот момент является одним из самых устойчивых в традиционной старообрядческой культуре.

Значительное место в традиционной обрядности занимают ритуалы, регламентирующие воспроизводство культурного опыта, связанного с жизненным циклом существования человека. В родильных обрядах и ритуалах у старообрядцев нашего региона прослеживаются архаические традиционные славянские элементы. Наблюдается сохранение множества запретов, поверий, связанных с родами и архаическими представлениями о роженице и о новорожденном как о лиминалах. В старообрядческой среде новорожденный до крещения не идентифицируется по половому признаку, подчеркивается его внеконфессиональный статус.

Сохранил во многом свою традиционность и свадебный обряд. Свадебная драма включает основные этапы, присущие традиционному обряду: сговор, смотрины

невесты, рукобитье, богомолье, "пропой", дары и благословение. Еще до войны организовывались «аколишна» («мальчишник») и «девишник».

Самым устойчивым, замкнутым ритуально-обрядовым комплексом остается похоронный обряд. Характерным маркером старообрядческой похоронной традиции, на основании которой происходит бытовая идентификация старообрядцев с соседними этническими группами, выступает часть погребальных одежд – похоронный саван. Покойного одевают в одежду на смерть – новую, подготовленную по старообрядческому чину, а потом облачают в белый саван и сверху трижды крестообразно повивают лентой.

Старообрядцы всегда серьезно относились к вопросу об одежде, достойной христианина. Старообрядчество в этом отношении выработало свои специфические правила, опирающиеся на национальные традиции: «достойной» провозгласили как раз русскую одежду традиционного покроя, давно вышедшую из употребления. Для домашней молитвы тоже желательна одежда по возможности традиционного покроя. Некоторые строгие ревнители призывают и сегодня не только на богослужение, но и на работу, в магазин и т. д. ходить одетыми в зипуны, кафтаны, сарафаны и т. п.

И в храме, и за домашним молитвенным правилом женщины обязательно должны покрывать голову платком. Прослеживается устойчивость и в символике внешнего вида мужчин. В брадобритии старообрядцы видят «поругание образа Божия».

Одним из устойчивых элементов культурной системы русских староверов Одесщины является практика народной медицины. Использование такого элемента, как закрещивание, использовалось во всех лечебных ритуалах, а молитвы применялись повсеместно вместо заговоров. Такая особенность является характерным элементом старообрядческой культуры региона. Между тем быт старообрядцев одновременно просто пропитан магией, осуждаемой еще с ветхозаветных времен.

При рассмотрении культурных элементов, структурирующих локально-региональную культуру старообрядцев

Одесщины, особое внимание акцентируется на сохранности их языка: «Язык потерять – себя потерять!». Говоры русских старообрядцев Придунавья и Приднестровья сохраняют фонетико-морфологические особенности, свойственные южнорусскому материнскому наречию, характеризуются устойчивостью лексической системы и наличием ярко выраженной тенденции к "самосохранению". Они сохраняют много древних слов – реликтов общеславянского и исконно русского происхождения. Наиболее устойчивы в семантическом отношении такие лексико-тематические группы, как термины родства, наименования людей по их физическим и другим особенностям, обрядовая лексика, слова, обозначающие явления природы, флоры и фауны.

Локальные культурные системы русских старообрядцев субкультурного Одесского региона, благодаря своей замкнутости, закрытости, устойчивости к инокультурному влиянию, сумели сохранить многие культурные элементы метрополии, транслирующие в своем ядре неизменным социокультурный опыт эпохи русского Средневековья. В свою очередь религиозная замкнутость локальной культуры старообрядцев способствовала, как это ни парадоксально, консервации и тех черт духовной культуры, которые самой церковью осуждались как «грех», «ересь» - архаических, свойственных древней славянской культуре.

Повседневная жизнь старообрядцев определялась не только установлениями государственно-правовой системы и нормами религиозно-общественной жизни, но также, в значительной мере его вовлечением в сложную структуру местных конфессиональных и этнокультурных связей, что вызывало динамические изменения в культуре староверов Одесщины. Рассматривая учебные материалы этой части корпуса знаний, студенты закрепляют на практике представления о культурных заимствованиях и динамике культуры.

Так, учащиеся узнают о том, что локальная культура старообрядцев подвергается инокультурному воздействию. Подвижным оказывается такой элемент системы как запреты. Формируется амбивалентное отношение к запретам: с одной сторо-

ны, они рассматриваются как каноническая, сакральная ценность, неисполнение которой – «страшный грех», с другой стороны, система запретов теряет стабильность. Меняются представления о «своем», «чужом», многие запреты начинают упрощаться, а то и вовсе исчезать. Меняется также отношения к иноверцам. В старообрядческих общинах Одесщины «чужого» уже не посадят отдельно, не предложат ему отдельную посуду. В послевоенные годы старообрядцы продолжают ограждать себя от мира, отказываясь принимать в конфессиональные общины колхозников. К прежним запретам пришлось добавлять еще и запреты на радиоприемники, телевизоры. Ограду от «прелестей мира» приходилось обновлять и достраивать. И все же по мере развития цивилизации, с введением обязательной военной службы, трудовых мобилизаций, с ужесточением паспортного режима во всех старообрядческих анклавах Одесщины все более отчетливо осознается невозможность полного обособления от «внешнего мира».

Сообщается об отношении старообрядцев к нововведениям. Большинство староверов молодого поколения открыто к техническим новшествам. И только старожилы отрицательно высказываются о внедрении каких-либо новшеств в той или иной сфере жизни: будь то пластиковые окна, телевизоры или даже распространение джинсовой одежды среди молодёжи.

Заметным было влияние соседнего окружения на строительную практику старообрядцев. Они заимствовали ее у соседей – молдаван, украинцев, а вместе с ней и соответствующую строительную терминологию. От соседей была частично перенята традиция обрамлять рушниками иконы. С середины XX в. это влияние стало особенно ощутимым.

Особенно ощутимым с конца XX столетия становится влияние городской, европейской культуры. Оно выражается в ориентире на европейскую городскую архитектуру, как во внешнем, так и во внутреннем облике жилища. В разных поселениях эта тенденция в настоящее время выражена в различной степени.

Осмысляя закономерности формирования и бытия локально-региональной культуры русских староверов Одесщины, студенты самостоятельно приходят к выводу о том, что динамические изменения в изучаемых системах связаны с приобретением новых культурных черт, либо с потерей или ослаблением действия механизма отдельных элементов культуры, что обусловлено либо инокультурным влиянием, либо развитием цивилизации, либо урбанизацией культуры.

В целом же на материалах представленного блока знаний учащиеся закрепляют приобретенные навыки анализа, интерпретации культуры как живой системы (с учетом диахронии и синхронии), узнают о возникновении разнообразных форм культуры в определенных историко-географических условиях, обнаруживают механизмы хранения и трансляции информации о культурном опыте субъектов культуры, определяют интегративные характеристики системы, обуславливающие консолидацию субъектов культуры. Наконец, делают вывод о том, что обращение к подобным «живым лабораториям» определяет эффективные подходы к социальному и культурному моделированию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т. 1– 4.